

Фэн Маньлуо, заметив в глазах своей маленькой супруги проблеск озорства, мгновенно всё понял.

Он тут же обернулся и велел Цинь Юаню сходить в аптеку и позвать Цин Лэ.

Он уже приготовился — в любой момент был готов исполнить роль примерного пациента.

Затем Фэн Маньлуо принялся тщательно репетировать в уме, как именно изобразить страдания, чтобы наконец добиться права разделить с супругой её ложе.

Сянь Чаюй же, не желая попасть под «перекрестный огонь», поспешил удрать из дома, чтобы найти других стариков и перекинуться с ними в шахматы.

Услышав жалобы Сяо Юньцзяня, двое стариков тут же перестали лить слезы. Они мгновенно воспряли духом, их боевой пыл взлетел до небес, и они окружили Сяо Юньцзяня такой плотной отеческой и материнской заботой, что тот едва не задохнулся.

Разобравшись с этим, они вместе ушли, а вернувшись, принесли огромный сундук. Они буквально всучили Сяо Юньцзяню этот ящик, который был доверху набит серебряными билетами — казалось, они вот-вот посыплутся через край.

Старики принялись с важным видом наставлять его, чтобы он ни в чём себе не отказывал.

Трать, веселись, покупай всё, что пожелаешь! Если не хватит — мы ещё дадим, уж этого добра у нас предостаточно!

Они даже начали подбивать Сяо Юньцзяня, мол, если встретишь кого-то по душе, приводи, мы поможем тебе проверить, достоин ли он тебя.

Сяо Юньцзянь, сохраняя вид полной покорности, послушно кивнул.

Старики, решив, что успокоили его как следует, наконец выдохнули.

Они тут же втайне начали обдумывать, как бы половчее вписать этих славных ребятишек в родословную книгу. Они искренне привязались к ним.

Фэн Маньлуо лишь оставалось недоуменно вопрошать: «???»

Эти двое явно недолюбливали собственного непутевого сына: мало того что он с детства рос бунтарём, так ещё и к своей жене должного внимания не проявляет.

Пять лет разлуки! Даже до свадьбы не дожили, а он уже так пренебрежительно относится — позор для семьи! Сын-неудачник!

А не выгнать ли его из клана?

Знаете, а ведь это мысль...

Однако они совершенно забыли, что именно их решительное настояние отправило Фэн Маньлуо в ту поездку, ставшую проверкой его намерений просить руки Сяо Юньцзяня.

Сначала они боялись, что их сын просто играет, а ещё больше страшились разбить сердце Сяо Юньцзяня.

Вот и придумали такой, мягко говоря, сомнительный способ.

А теперь сами же всё забыли и пошли против него.

Сяо Юньцзянь не удержался от смешка и начал защищать своего оклеветанного муженька.

Фэн Маньлуо, всерьёз встревожившись, с покрасневшей щекой крепко обнял Сяо Юньцзяня со спины, прижавшись к его пояснице, словно обиженный ребёнок.

Лишь получив утешение от того, кто стоял перед ним, он немного успокоился.

Он демонстративно закатил глаза в сторону своих родителей.

Естественно, тут же получил по голове два увесистых подзатыльника — точно синхронных.

Тем временем маленькие спутники, которых наконец отпустили, обрели свободу.

Они молча наблюдали за тем, как дедушка с бабушкой отчитывают их маленького папочку.

Не то чтобы они не хотели вмешаться.

Просто, выслушав жалобные оправдания своего большого папочки, они тут же прониклись к нему сочувствием и решили разделить его обиду.

Да, нужно немного пожурить маленького папочку: если сделал что-то не так — изволь понести наказание!

Что тут скажешь: несмотря на то, что Сяо Юньцзянь был человеком своевольным, резким, холодным и даже менее нежным, чем Фэн Маньлуо, они всё равно любили его больше всех.

Это была слепая преданность, не требующая причин.

Поэтому они решили проявить сыновнюю почтительность — сделали вид, что ничего не происходит, и переключили всё своё внимание на Юй Шэншэна и Юй Шэнъе.

Юй Шэншэн, как только его опустили на землю, тут же бросился к старшему брату.

По пути он спотыкался и бежал, уже беззвучно обливаясь слезами.

Вид у него был настолько жалкий, что сердце сжималось от боли.

Как бы рано он ни повзрослел и сколько бы горя ни пережил, в присутствии самых близких людей даже он не мог сдержать обиду и отчаяние.

Юй Шэншэн бросился в объятия Юй Шэнъе и крепко обхватил его.

Его хрупкое тельце сотрясали рыдания. Он не кричал, как обычные люди, а лишь тихо всхлипывал.

Как же ему было не обидно? При виде брата он вспомнил тот день, который невозможно забыть до конца жизни.

Юй Шэншэн, который с тех пор, как у него развилась клаустрофобия, почти не проронил ни слова, сейчас прерывисто рассказывал брату о том, что увидел в тот страшный день...

Это было возвращение к боли, это были слёзы любви и ненависти.

Так все вокруг узнали о глубокой ране, которую он годами прятал в сердце, не осмеливаясь открыть.

Даже Юй Шэнъе, привыкший храбриться перед младшим братом, при виде такого состояния своего Сяо Гуая и слушая его болезненные признания, уже давно стоял с покрасневшими глазами.

Их сокровище, с детства привыкшее капризничать, упрячиться и ластиться к ним, теперь, чтобы заставить себя вырасти, выбрало путь, который был выгоден для исправления ситуации, но который сам он ненавидел больше всего на свете.

Он был прирожденным фармацевтом, но с малых лет питался всевозможными целебными отварами, чтобы хоть как-то поддержать своё тело. Разве мог он любить эти снадобья, пропитанные ненавистными воспоминаниями?

Юй Шэнъе видел: улыбка, которая раньше озаряла лицо брата при виде каждого встречного, с момента их воссоединения не появилась ни разу.

Золотистые глаза, что когда-то сияли ярче всех, теперь из-за пережитого наполовину ослепли, и он больше не мог купаться в лучах солнца.

Он ведь помнил: его любимый малыш больше всего на свете обожал ухаживать за цветами в тёплых солнечных лучах и просил их послушать, как он играет на любимой лекарской цитре...

Почему его семья должна была пройти через такие страдания? Он не понимал, не желал с этим мириться, его охватывала невыносимая мука.

В эти мгновения сердце болело так, будто острый клинок вонзился в плоть, а разум был поглощен тьмой.

Он мог лишь сильнее прижать к себе маленькую фигурку и раз за разом повторять: Сяо Гуай, не бойся, брат рядом. Не бойся, всё хорошо...

Всё хорошо? Да как такое может быть хорошо!

Страшная ненависть бурлила в душе, и Юй Шэнъе поклялся себе: если в этой жизни он не сможет собственноручно убить врагов и возродить свой клан, то будет вечно пребывать в рабстве и грехе, влачить жалкое существование, полное страданий, и умрёт в муках!

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он почувствовал, что всхлипы в его объятиях стихли. Он опустил голову и увидел, что Юй Шэншэн смотрит прямо на него.

На лице не было ни эмоции, но в глубине глаз плескались безмерная обида и доверие.

Сердце Юй Шэнъе разрывалось, но он не подал виду. Подняв руку, он привычным жестом извлёк из-за пазухи Акулий Шёлк.

Он бережно отер заплаканное личико, нежно улыбнувшись ему в ответ.

У Сяо Юньцзяня тоже был Акулий Шёлк — в детстве Юй Шэншэн был таким неженкой и постоянно ронял золотые слёзы.

Правда, сам он уже очень давно его не доставал.

Теперь же, увидев Акулий Шёлк вновь, он с болью в сердце погладил платки, которые носил при себе каждый день.

Стоявшие неподалёку Сивеи тоже вспомнили о своих лоскутках Акульего Шёлка, которые они берегли для своего маленького принца.

Наблюдая за этой сценой, они ощутили укол в сердце и молча взирали на своих господ.

Когда Юй Шэнъе вытер слёзы на лице брата, он отпустил его.

Он пригласил всех занять места, а затем велел Сижоу принести кипяток и чайный сервиз.

Он велел Юй Шэншэну опуститься на колени перед старшими, а сам, оmyв руки, с грацией и достоинством опустился перед столиком, чтобы собственноручно приготовить чай.

Прошло немало времени, но все присутствующие молча и терпеливо ждали.

Минута за минутой... Юй Шэнъе заваривал чай с таким рвением и благоговением, что это поражало.

Даже обжигающий пар от кипятка не мог остановить его решимости. Он хранил невозмутимый вид, шаг за шагом следуя ритуалам, которые, казалось, были впитаны им с молоком матери.

Когда он закончил разливать чай, его нежные белые руки покраснели и распухли, но ни один мускул не дрогнул.

Он взял чашку обеими руками, опустился на колени рядом с Юй Шэншэном и произнёс тихо, но твёрдо:

— Семейный завет клана Юй: поднести чай, преклонить колени, воздать за милость господскую.

Сказав это, они оба коснулись лбами земли, и глухой стук разнёсся по залу.

Первую чашку он поднёс Сяо Юньцзяню, вторую — Фан Жунмо, третью — Фэн Ции, четвертую — Фэн Маньлуо.

Никто из четверых не пытался их остановить — все они с почтением приняли этот тяжкий дар, осознавая истинное значение сего жеста.

После старших подошла очередь младших. Он потянул Юй Шэншэна за собой, чтобы продолжить подносить чай Фэн Цзюэсяню и остальным.

На этот раз они не вставали на колени, а лишь отвешивали поклоны.

Всё это время глаза у всех были красными. Они могли лишь беспомощно смотреть на Юй Шэнъе.

Смотреть, как его руки, что должны были невыносимо болеть и гореть от ожогов, ни разу не дрогнули.

Каждая чашка — неизменно и твёрдо — была поднесена всем присутствующим.

<http://bllate.org/book/22367/2345531>